

Забывтый стратег

Осенью 1916 года на Черноморском флоте адмирал Колчак формировал отдельную морскую дивизию. По сути, это были первые морпехи, представители практически нового в то время рода войск. Дивизия создавалась в Босфоре для захвата Константинополя. Операция по разблокированию Черноморских проливов диктовалась самим ходом войны – Турция воевала на стороне Германии, а России нужно было наладить сообщение с союзниками.

Командовать этой дивизией было поручено генерал-майору Александру Свечину (1878–1938), который в тот момент еще не совсем восстановился после тяжелого ранения в шею, полученного под Сморгонью. Босфорская операция не состоялась, но впервые за все годы Первой мировой войны братья Свечины оказались настолько близко друг от друга, что смогли повидаться и переговорить наедине. Дивизия Александра Свечина базировалась в то время в Севастополе и Одессе – их родном городе, а Михаил Свечин воевал в Малороссии.

Они выросли в семье потомственного военного, давшего сыновьям лучшее военное образование: другой профессии ни их отец, ни они сами для себя не мыслили. Но характеры у братьев, несмотря на разницу в возрасте всего в два года, были разными, по-разному сложилась и их судьба.

Мемуаров Александр Свечин, как он сам считал, не оставил, но всю жизнь писал о том, что видел и в чем принимал участие. О своей несостоявшейся карьере в должности комдива морских пехотинцев под началом Колчака Александр Свечин старался не вспоминать – это было просто опасно. В автобиографии он писал всегда четко и просто: до февраля 1917 года находился в войсках Западного фронта.

В жизни Александра Свечина все складывалось как бы само по себе. Он сторонился политики, но всегда оказывался в эпицентре самых бурных политических событий, постоянно конфликтуя с властями предрежжащими. И дело было не в личных интересах: все свои неприятности Алек-

сандр Свечин нажил по причине предельной откровенности и объективных оценок своего времени. И сморгонский период не был в этом плане исключением.

Свечин прибыл под Сморгонь в августе 1915 года «бойким» командиром 6-го Финляндского полка, которому до всего и до всех было дело. К тому времени это был уже не только состоявшийся военный, но и политик. Беспокойная натура и пытливый ум постоянно требовали глубокого анализа происходящего. Вот что он писал в своей работе «Искусство вождения полка»: «Меня не обманывало молчаливое послушание русского строя. Войсковые организмы царской армии являлись очень нежными и весьма восприимчивыми к началам разложения. Я убедился в этом еще весной 1904 года под Тюренченом, когда наблюдал почти мгновенный переход от ура-патриотического настроения к грабежу денежных ящиков и офицерских чемоданов, к самой бесшабашной панике. Бессловесной и безропотной русская армия казалась только на поверхностный взгляд. Русский офицер не имел дисциплинированного мышления, политическая подготовка его имела крупные пробелы, начальству он мало верил и мало его уважал, а солдаты являлись в конечном счете представителями крестьянского анархизма, сомнения и восприимчивости. Русские полки успешно работали только в атмосфере порядка и авторитета, а обстановка современного боя сковывала возможности проявления личности начальников и создавала хаос». В этих нескольких предложениях – диагноз не только русской армии, но и тому

времени. Становится понятным и то, что впоследствии произойдет со страной. И все поступки Александра Свечина будут диктоваться именно этими его выводами. Он не отступит от своих принципов и при новой советской власти, за что, в принципе, и погибнет.

...Обстановка на линии обороны Сморгонь – Молодечно складывалась тревожно и непросто. Как раз началась подготовка Свенянского прорыва. В боевую работу командиру А. Свечину пришлось включиться сразу по прибытии в войска. Штаб полка находился в усадьбе Леонполь на берегу Свенты (теперь это территория Литвы). Усадьба, как пишет Свечин, «не блистала особой роскошью, в имении было всего 700 гектаров. Но хозяйка ее носила громкую фамилию Радзивилл – некрасивая тридцатилетняя княжна эксплуатировала свое имение с удивительной энергией, она сразу же предъявила полку точный счет за все произведенные потравы, за скошенный клевер и овес и все взятые материалы». Короткие отступления от собственно военных проблем точно рисуют картину того времени.

В 2005 году в России на экраны вышел сериал «Гибель империи». В одной из серий под названием «Тезка императора», помимо захватывающей интриги сюжета, есть и тонкие моменты, подчеркивающие отношение гражданского населения к войне, а точнее – к противоборствующим сторонам. Не знаю, читали ли актеры Сергей Маковецкий и Александр Балуев воспоминания Свечина, но именно эта интонация сыграна ими с поразительной точностью. А вот свидетельства из книги самого Свечина: «На мой вопрос Радзивилл, почему она не эвакуируется и не боится оказаться в районе, занятом немцами, она объяснила мне, что у нее есть не только кузены, служащие в русской гвардии, но и кузены, служащие в прусской гвардии и австрийской армии; что за год до войны к ней из Германии приезжали ее родственники офицеры... и она уверена, что германские офицеры отнесутся к ней по-рыцарски... Фамилия Радзивилл действительно на редкость являлась интернациональной».

13 сентября 1915 года немцы заняли Свеняны, а через день подошли к Сморгони в далеком тылу русской армии. Полк Свечина, простояв сутки без дела в Ковшадолах, в ночь на 14 сентября двинулся



◀ Александр Свечин.
1923 год

назад, на шоссе, в район мызы Повидаки, где гвардейские стрелки еле сдерживали атаку. Но развитие военных событий заставило перебросить дивизию, в которую входил и полк Свечина, на крайний правый фланг Мейшагольской позиции. Для Александра Свечина эти дни сентября 1915 года станут одними из самых черных в его жизни. Успешно начавшаяся атака русской армии под Ворнянами (предместье Сморгони) вскоре захлебнулась, фронт начал рассыпаться. Впоследствии в своей книге Свечин будет предельно критичен и точен в оценках того, что происходило вокруг него: «Русская армия, в дни 19–20 сентября, в моем сознании пала глубже, чем в какие-либо другие моменты мировой войны. Описываемые события происходили “на дне” ее боеспособности... Начальство русской армии в сентябре 1915 г. болело жестоким недугом, одно из типичнейших проявлений которого – животный эгоизм и обвинения, щедро и непрерывно выкрикиваемые по адресу соседей».

Говорят, что характер – это судьба. Свечин – яркое тому подтверждение. В нем было мало блеска и лоска, но он всегда был лидером. На глаза Николаю II талантливый офицер «попался» еще до Первой мировой войны, когда в одной из своих статей он

покритиковал состав батареи из восьми пушек. Российский император о составе артиллерии имел свое мнение. За несогласие с государем в этом вопросе А. Свечин получил 30 суток ареста...

После захвата власти большевиками в ноябре 1917-го Свечин уехал с фронта к семье в Петроград. Но гражданская жизнь его оказалась недолгой, в марте 1918-го царский генерал перешел на сторону большевиков. И был сразу назначен военным руководителем Смоленского района Западной завесы, затем — начальником Петроградского укрепрайона, начальником Всероссийского главного штаба. Весной 1918 года генерал Михаил Бонч-Бруевич эвакуировал академию Генштаба в Казань. Но преподавательский состав перешел на сторону Колчака. Пришлось по-новому создавать академию Генштаба в Москве: там оказывается и Александр Свечин. Неуступчивость и принципиальность Свечина уже в тот период стали легендой. У того же Чапаева в биографии есть курьезный эпизод: имея всего четыре класса сельской школы за плечами, Василий Иванович воспринимал учебу в академии как пытку и выдержал там всего два месяца. Тогда он и написал известное письмо Гавриилу Линдову — члену Реввоенсовета 4-й армии, чтобы его отпустили на фронт.

Во время преподавания в академии Александр Андреевич Свечин смог по настоящему реализоваться. На основе курса, который он читал, была написана и опубликована его фундаментальная работа «Стратегия». Это небольшая по объему книга представляла собой квинтэссенцию военных знаний. По мнению академика РАН Андрея Кокошина, равного этому труду до сегодняшнего дня нет ни в России, ни за границей. А. Свечин был полным сторонником стратегической обороны, считая, что стратегическая оборона для России с учетом ее размеров и отставания в экономическом развитии от западных стран — лучший метод ведения боевых действий. Этот труд стал для профессора Свечина роковым: он нажил себе немало врагов, и одним из них был более молодой и амбициозный Михаил Тухачевский.

Впрочем, сложности во взаимоотношениях начались гораздо раньше. Тухачевский считал себя великим полководцем, не нуждающимся в советах старых военспе-

цов. Александр Андреевич же не оставался в долгу и критиков в свой адрес называл не иначе, как «дурачками с партийными билетами». Больше всего командующему Западным фронтом досталось от Свечина за неудачный польский поход 1920 года: его Варшавскую операцию военный стратег считал авантюрой. Тухачевский не простил этого Свечину.

В 1930 году органы ОГПУ начали крупную операцию под названием «Весна», направленную против военспецов. В тюрьмах оказались тысячи человек. Не избежал этой участи и А. Свечин. Поводом для его первого ареста стало участие в вечере георгиевских кавалеров. Вскоре он был отпущен. Но 25 февраля 1931 года последовал новый арест. Вот когда Тухачевский смог отыграться по полной. Сразу же после ареста в Ленинграде состоялось заседание военной секции Ленинградского отделения Коммунистической академии, где с докладом «О стратегических взглядах профессора Свечина», целиком посвященным критике идей Свечина, выступил Тухачевский. Поступок Тухачевского явно не соответствовал канонам офицерского рыцарского поведения, ведь его оппонент уже находился в заключении.

От расправы Свечина спас Иона Якир. В феврале 1932 года он был освобожден и вернулся на службу в РККА: сначала в Разведывательном управлении Генерального штаба, затем — во вновь образованной в 1936 году Академии Генштаба. В третий раз Свечина арестовали как «участника монархической организации и военно-фашистского заговора». В ходе следствия Свечин ни в чем не сознался и никого не оговорил.

29 июля 1938 года Александр Свечин был расстрелян. Судьба его оппонента Михаила Тухачевского не менее трагична. Их профессиональный спор, как это водится в старой русской традиции, с момента своего зарождения сразу перешел из «борьбы идей в борьбу людей». И каждый в этом споре был прав по-своему, с одним лишь «но»... Время показало правоту взглядов Свечина: во время Великой Отечественной войны Красная армия смогла переломить ход событий лишь тогда, когда применила сначала тактику стратегической обороны и только после перешла в наступление.

Игорь КОЗЛОВ ─